

"ДВА СЛОВА ПОСТОРОННЕГО" -- НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ

П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Академия Наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Вопросы изучения русской литературы XI-XX веков
Издательство Академии наук СССР. Москва--Ленинград. 1958
Scan [ImWerden](#)
OCR Ловецкая Т. Ю.

Рассмотрение деятельности П. А. Вяземского как литературного критика обычно начинается с участия его в полемике 1815 года, вызванной "Липецкими водами" А. Шаховского. Литературно-критические статьи, написанные до 1812 года, в исследовательских работах обычно не упоминаются.¹ К двум известным прежде статьям ("Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков" и "Письмо к К. Н. Батюшкову"), относящимся к 1810 году и включенным в первый том Полного собрания сочинений, мы можем добавить еще одну статью, видимо, являющуюся первым выступлением Вяземского-критика в печати. В № 9 журнала "Цветник" за 1809 год была опубликована присланная "из Москвы от неизвестного" статья "Два слова постороннего". Авторство ее устанавливается следующим образом: находящийся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина комплект журнала "Цветник" в свое время побывал в руках известного библиографа С. Д. Полторацкого. На чистых листах перед задней крышкой переплета он помечал свои соображения относительно авторства псевдонимных и анонимных материалов, опубликованных в журнале. В третьей части журнала за 1809 год среди других заметок читаем: "Князь Петр Андреевич Вяземский. Его статья, стр. 391--396 (он сам мне это сказал. 7 марта 1868). С. Полторацкий".² Ввиду бесспорной авторитетности этого свидетельства и значительного интереса, который представляет статья для определения литературной позиции Вяземского в те годы, приводим ее текст полностью:

Два слова постороннего

"Прочитав в "Аглае" письмо, заключающее *мануфактурное замечание сельских барынь* об ошибке автора "Марьиной рощи", я ждал с большим нетерпением ответа издателя "Вестника Европы": мне хотелось видеть войну двух издателей *журналов, читаемых во всей империи*, и войну о *веретене*. Долго ожидание мое было тщетно, и я наконец не знал уже, чему приписать бездействие оскорбленного. Неужели, говорил я себе, он так поражен сильным нападением противника своего, что не находится в возможности отражать его удары или, согласуясь с правилами осторожности, требующей всегда медлительности в исполнении, не собирается ли он силами на вернейшее защищение? Однако ж 16 книжка "Вестника Европы" доказала мне, что я ошибался в обоих случаях. Отсутствие г. Жуковского было просто единственною причиною сумнительного молчания. Наконец оно прервано и вместо мщения мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске. Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой -- признательность и великодушие! Эпитет "любезного", столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому.

"Сия учтивость г. издателя "Аглаи" и признательность г. издателя "Вестника Европы" подают и мне смелость сказать два слова критики, но не о *веретене*.

"В одном обществе один, не скажу из *пламенных*, но просто один из читателей "Аглаи", раскрыв самую ту книжку *любопытного журнала*, в котором содержится вышеупомянутое письмо, стал читать ее вслух. Седьмая строка первой страницы остановила его. Г. автор говорит в ней, что в столице *неизвестные* красавицы остаются *без внимания*. Прошу покорнейше г. сочинителя сказать мне, как же и могли бы они, будучи неизвестны, не оставаться без внимания? Далее, то есть на второй странице, на секунду прервали чтение *душа* и *сердце* матери Полины, которое служило дочери *школою, системою и методою*. На той же странице остановило нас имя г-жи Даламбер, имя, совсем нам неизвестное, но после нескольких минут исков решили мы, что г. издатель "Аглаи", перекрестивший в прошлом году Буфлера в Буфле, мог по такому же капризу из известной г-жи Ламбер сделать какую-то Даламбер. В другом же